

Иван Александрович
ГОНЧАРОВ

ФРЕГАТ
ПАЛЛАДА

Часть 2

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г65

Гончаров И. А.

Г65 Фрегат Паллада. Часть 2 / И. А. Гончаров. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 364 с. —
(ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

ISBN 978-5-521-77182-0

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантюрные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещённый гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «великие путешествия» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC WTL
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77182-0

© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

I СИНГАПУР

Приход на рейд. — Малайцы и индийцы. — Прогулка по городу и окрестностям. — Европейский, малайский и китайский кварталы. — Продажа опиума. — Ананасы, мангу и мангустаны. — Кокосовые орехи. — Значение Сингапура. — Кумирни. — Купец Вампоа и его вилла.

С 24 мая по 2 июня 1853 г.

Где я, о, где я, друзья мои? Куда бросила меня судьба от наших берез и елей, от снегов и льдов, от злой зимы и бесхарактерного лета? Я под экватором, под отвесными лучами солнца, на меже Индии и Китая, в царстве вечного, беспощадно знойного лета. Глаз, привыкший к необозримым полям ржи, видит плантации сахара и риса; вечнозеленая сосна сменилась неизменно зеленым бананом, кокосом; клюква и морошка уступили место ананасам и мангу.

Я на родине ядовитых перцев, пряных кореньев, слонов, тигров, змей, в стране бритых и бородатых людей, из которых одни не ведают шапок, другие носят кучу ткани на голове: одни вечно гомозятся за работой, с молотом, с ломом, с иглой, с резцом; другие едва дают себе труд съесть горсть рису и переменить место в целый день; третьи, объявив вражду всякому порядку и труду, на легких проа отважно рыщут по морям и насильственно собирают дань с промышленных мореходцев.

Осторожно и медленно, как будто высматривая тайного врага в засаде, подходили мы в темноте к сингапурскому рейду. Указания знаменитого Горсбурга, исследовавшего глубины и свойства этих морей, и лот были нашими ежеминутными руководителями. Наконец отдали якорь, и напряженное внимание, заботливое выпытывание местности и суетливая деятельность людей на фрегате тотчас же заменились беззаботностью отдыха. Под покровом черной, но прекрасной, успокоительной ночи, как под шатром, хорошо было и спать мертвым сном уставшему матросу, и разговаривать за чайным столом офицерам. Наверху царствует торжественное, но не мертвое безмолвие, хотя нет движения в воздухе, нет ни малейшей зыби на воде. Но сколько жизни покоится в этой мягкой, нежной теплоте, перед которой вы доверчиво, без опасения, открываете грудь и горло, как перед ласками добрых людей доверчиво открываете сердце!

Сколько прелести таится в этом неимоверно ярком блеске звезд и в этом море, которое тихонько ползет целой массой то вперед, то назад, движимое течением,

даже в темных глыбах скал и в бахrome венчающих их вершины лесов!

Всё кажется, что среди тишины зреет в природе дума, огненные глаза сверкают сверху так выразительно и умно, внезапный, тихий всплеск воды как будто промолвился ответом на чей-то вопрос; всё кажется, что среди тишины и живой, теплой мглы раздастся какой-нибудь таинственный и торжественный голос. Чего-то ждешь, о чем-то думаешь, что-то чувствуешь, чего ни определить, ни высказать не можешь. Только сердце трепещет от силы необъяснимого, страстного ощущения — даже нервам больно! Под этим небом, в этом воздухе носятся фантастические призраки; под крыльями таких ночей только снятся жаркие сны и необузданные поэтические грезы о нисхождении Браммы на землю, о жаркой любви богов к смертным — все эти страстные образы, в которых воплотилось чудовищное плодородие здешней природы.

Начиная с Зондского пролива, мы все наслаждались такими ночами. Небо как книга здесь, которую не устанешь читать: она здесь открытее и яснее, как будто само небо ближе к земле. Мы с бароном Крюднером подолгу стояли на вахтенной скамье, любуясь по ночам звездами, ярко игравшей зарницей и особенно метеорами, которые, блестя бенгальскими огнями, нередко бороздили небо во всех направлениях.

Вдруг однажды, среди ночной тишины, раздался подле фрегата шум весел.

«Что это такое? лодка в открытом море?» — спросил я и стал пристально смотреть в полупортик. И Фаддеев, который, сидя верхом на пушке, доставал из-за борта воду и окачивал меня, стал тоже смотреть. В лодке сидело трое, но кто — нельзя было разобрать в темноте. «Кто бы это был?» — спрашивал я, не зная, что подумать об этом явлении. «Опять чухны, ваше высокоблагородие!» — сказал Фаддеев равнодушно, разумея малайцев, которых он видел на Яве. «Или Литва», — заметил другой матрос еще равнодушнее. Малайцы привезли несколько ананасов и предлагали свои услуги как лоцман. Мы шутя делали предположения: не пираты ли это, которые подсланы своею шайкою выведать, какого рода судно идет, сколько на нем людей и оружия, чтоб потом решить, напасть на него или нет? Это обыкновенная тактика здешних пиратов. Однажды они явились, также в числе трех-четырех человек, на палубу голландского судна с фруктами, напитанными ядом, и, отравив экипаж, потом нагрянули целой ватагой и овладели судном. Людей, как это они всегда делают, отвели на один из Зондских островов в плен, а судно утопили.

Один малаец взобрался на палубу и остался ночевать у нас, другие два ночевали в лодке, которая прицепилась за фрегат и шла за нами. Это было 24 мая, часов в одиннадцать утра; мы вошли в Сингапурский пролив, лавируя. Пошел дождь, да еще со шквалом, и освежил атмосферу. Мы отдохнули от жара: Реомюр показывал 23, 5° в тени, между тем малаец озяб. На нем была ситцевая юбка, на плечах род рубашки, а поверх всего кусок крас-

ной бумажной ткани; на голове неизбежный платок, как у наших баб; ноги голые. Это уж полный костюм; прочие большею частию ходят полунагие. Малаец прятался под навесом юта, потом, увидев дверь моей каюты открытою, поставил туда сначала одну ногу, затем другую и спину, а голова была еще наруже.

«Холодно?» — спросил я его. «Yes», — отвечал он и вошел совсем в каюту. Но мне показалось неестественно озябнуть при двадцати с лишком градусах тепла, оттого я не мог проникнуться состраданием к его положению и махнул ему рукою, чтоб он шел вон, лишь только он загородил мне свет. Два его товарища, лежа в своей лодке, нисколько не смущались тем, что она черпала во время шквала и кормой, и носом; один лениво выливал воду ковшом, а другой еще ленивее смотрел на это.

Вечером стали подходить к Сингапуру. Любопытно взглянуть на эту кучу толпящихся на маленьком клочке разноцветных и разноязычных народов, среди которых американец Вилькс насчитывает до двадцати одних азиатских племен.

25-го мая. Утро. Солнце блещет, и всё блещет с ним. Какие картины вокруг! Какая жизнь, суматоха, шум! Что за лица! Какие языки! Кругом нас острова, все в зелени; прямо, за лесом мачт, на возвышенностях, видны городские здания.

Джонки, лодки, китайцы и индийцы проеżdжают с берега на суда и обратно, пересекая друг другу дорогу. Направо и налево от нас — всё дико; непроходимый кокосовый лес смотрится в залив; сзади море.

Утром рано стучится ко мне в каюту И. И. Бутаков и просовывает в полуотворенную дверь руку с каким-то темно-красным фруктом, видом и величиной похожим на небольшое яблоко. «Попробуйте», — говорит. Я разрезал плод: под красною мякотью скрывалась белая, кисло-сладкая сердцевина, состоящая из нескольких отделений с крупным зерном в каждом из них.

Прохладительно, свежо, тонко и сладко, с легкой кислотой. Это мангустан, а по английскому произношению «мангустэн». Англичане не могут не исковеркать слова.

Ко мне в каюту толпой стали ломиться индийцы, малайцы, китайцы, с аттестатами от судов разных наций, всё портные, прачки, комиссионеры. На палубе настоящий базар: разноплеменные гости разложили товары, и каждый горланил на своем языке, предлагая материи, раковины, обезьян, птиц, кораллы.

Я заглянул за борт: там целая флотилия лодок, нагруженных всякой всячиной, всего более фруктами. Ананасы лежали грудami, как у нас репа и картофель, и какие! Я не думал, чтоб они достигали такой величины и красоты. Сейчас разрезал один и начал есть: сок тек по рукам, по тарелке, капал на пол. Хотел писать письмо к вам, но меня тянуло на палубу. Я покупал то раковину, то другую безделку, а более вглядывался в эти новые для меня лица. Что за живописный народ индийцы и что за неживописный — китайцы!

Первые стройны, развязны, свободны в движениях; у них в походке, в мимике есть какая-то торжественная

важность, лень и грация. Говорят они горлом, почти не шевеля губами. Грация эта неизысканная, неумышленная; будь тут хоть капля сознания, нельзя было бы не расхохотаться, глядя, как они медленно и осторожно ходят, как гордо держат голову, как размеренно машут руками. Но это к ним идет: торопливость была бы им не к лицу.

Вся верхняя часть тела у индийцев обнажена, но они чем-то мажутся, чуть ли не кокосовым маслом, иначе никакая кожа не устоит против этого солнца. На бедрах у них род юбки из бумажной синей или красной материи. В ушах серьги непременно, у иных по две, в верхней и нижней части уха, а у одного продета в ухо какая-то серебряная шпилька, у другого сережка в правой ноздре. Этот был стар, одет в белую юбку, а верхняя часть тела прикрыта красной материей; на голове чалма. Стали всех их собирать в один угол судна, на шкафут, чтоб они не бродили везде; старик усердно помогал в этом. Матросы, прогнав всех, наконец прогнали и его самого туда же.

Китайцы светлее индийцев, которые все темно-шоколадного цвета, тогда как те просто смуглы; у них тело почти как у нас, только глаза и волосы совершенно черные. Они тоже ходят полуголые. У многих старческие физиономии, бритые головы, кроме затылка, от которого тянется длинная коса, болтаясь в ногах. Морщины и отсутствие усов и бороды делают их чрезвычайно похожими на старух. Ничего мужественного, бодрого. Лица точно вылиты одно в другое.

А что за физиономии на лодках! Вот старый индеец, черный, с седыми бакенбардами и бородой, растущей ниже губ, кругом подбородка. А вот малаец, цвета красной меди, гребет двумя вместе связанными веслами, толкая их вперед от себя. Одни лежали прямо под солнцем, другие сидели на пятках, непостижимым для европейца образом. Ко мне уж не раз подходил один говорящий по-французски индеец. «Откуда ты родом?» — спросил я. Он мне сказал непонятное и неизвестное мне название. «Да ты индеец?» — «Нет!» — заговорил он, сильно качая головой. «Ну, малаец?» Он еще сильнее стал откаться. «Кто ж ты, из какой страны?» — «Ислам, мусульман». — «Да это твоя религия; а родом?» — «Ислам, мусульман», — твердил он. «Ну, из какого ты города?» — «Пондишери». — «А! Так как же не индеец?» Он махал головой. «Индус вон! — говорил он, показывая на такого же, как и он сам, — а я ислам». — «А! Те браминской веры». — «Да! Да! Брамб, индус!» — повторял он.

Тотчас после обеда судно опустело: все уехали. Мне предложил капитан ехать с ним, но просил подождать, пока он распорядится на фрегате. А лодки всё не уезжали от нас, сбывая фрукты. У всех каюты завалены были ананасами; кокосы валялись под ногами. Всякий матрос вооружен был ножом и ананасом; за любой у нас на севере заплатили бы от пяти до семи рублей серебром, а тут он стоит два пенса; за шиллинг давали дюжину, за испанский талер — сотню. Но от ананасов начал чесаться у многих язык (в буквальном смысле), губы щипало кислотой. Многие предпочитали ананасам мангу: он фигу-